

АНАСТАСИЯ ЗАЙЦЕВА

ПСИХОЛОГИЯ

ГОВНА.

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Анастасия Зайцева

**Психология Говна.
Финальная битва**

«Автор»

2026

Зайцева А.

Психология Говна. Финальная битва / А. Зайцева — «Автор», 2026

Двенадцать лет назад Ася, стала свидетельницей трагедии в летней школе в Новой Зеландии. Студентка пыталась покончить с собой, оставив странную схему из семи осколков разбитого бокала. Тогда профессора называли это обычным безумием. Спустя годы Ася сама оказывается в эпицентре коллективной травли, которая лишает её профессии, репутации и едва не доводит до черты. Пытаясь спастись, она обнаруживает пугающую закономерность. Происходящее — не случайность. Это CONTACT — исследовательская программа по управлению поведением, где живой человек превращается в «материал», а его близкие — в соучастников уничтожения. Чтобы выжить, Асе придется вернуться в закрытый клуб S-Class, где все началось, и объявить войну невидимой системе. Но как победить в игре, правила которой сужаются до одной-единственной двери, а твой главный враг — тот, кому ты доверяла больше всего? Любителям интеллектуальных психологических триллеров, конспирологических загадок и историй о борьбе сильной героини с системой.

© Зайцева А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

СОДЕРЖАНИЕ	6
ПРОЛОГ	7
Возвращение	7
ЧАСТЬ I	9
Почему девочка пыталась себя убить	9
ГЛАВА 1	10
Сумасшедшая	10
ГЛАВА 2	12
Дама с камелиями	12
ГЛАВА 3	15
Девушка, которая вернулась	15
ГЛАВА 4	17
Духовная любовь	17
ГЛАВА 5	19
Добро пожаловать в ад	19
ГЛАВА 6	21
Гипноз	21
ГЛАВА 7	24
Прививка от бешенства	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Анастасия Зайцева

Психология Говна. Финальная битва

ПСИХОЛОГИЯ ГОВНА

Последняя битва

Мистический приключенческий роман

Анастасия Зайцева

Все персонажи и организации в этой книге являются частью художественного вымысла.
Реальные географические названия используются как декорации.
Литературная версия по материалам авторской рукописи.

СОДЕРЖАНИЕ

Пролог. Возвращение

Часть I · Почему девочка пыталась себя убить

Глава 1. Сумасшедшая

Глава 2. Дама с камелиями

Глава 3. Девушка, которая вернулась

Глава 4. Духовная любовь

Глава 5. Добро пожаловать в ад

Глава 6. Гипноз

Глава 7. Прививка от бешенства

Глава 8. Ты — говно

Часть II · Ад внутри и снаружи

Глава 9. Запретное слово

Глава 10. Девочка, которой нравился кунилингус

Глава 11. Проклятые

Глава 12. Who is Mr. S.O.S.land?

Глава 13. Манник

Глава 14. Соперники

Глава 15. Война

Глава 16. Карантин

Глава 17. В постели с единорогом

Часть III · Последняя битва

Глава 18. Сообщество

Глава 19. Цена

Глава 20. Последний свидетель

Глава 21. Арифметика любви

Глава 22. Контакт

Глава 23. Миссия невыполнима

Глава 24. Погоня

Глава 25. Иуда

Глава 26. Последняя битва

Глава 27. Сила льва

Глава 28. Король-лев

Эпилог. Книга как выход

ПРОЛОГ

Возвращение

Сегодня был особый день. Я возвращалась туда, где всё началось.

В место любви и силы. В место насмешек, предательства и изгнания. В место, которое два года снилось мне так часто, что я помнила расположение каждого тренажёра лучше, чем собственную кухню.

Я стояла босиком на холодном кафеле и придиричиво рассматривала себя в зеркале. Вес почти тот же, а заднюю поверхность бедра неплохо бы подкачать. Никакой мистики: килограмм жира занимает в несколько раз больше места, чем килограмм мышц. Но зеркало сегодня спорило с арифметикой. В нём отражалась не только женщина в красном кружевном белье. За моим левым плечом проступали тонкие чёрные линии, похожие на трещины в стекле.

Я резко обернулась.

Стена была чистой.

— Очень смешно, — сказала я собственному отражению.

Линии исчезли.

За последние два года я одичала. Тайский бокс, конечно, прекрасен, но мне не хватало красоты — продуманной, бесполезной, существующей исключительно ради удовольствия. Я любила красивое тело, красивых женщин, красивых мужчин, красивые движения. Когда-то мне нравилось нравиться. Потом наступил период, когда единственным требованием к одежде стала способность выдерживать падение на спортивное покрытие, а к макияжу — отсутствие на лице после двухчасовой тренировки.

Сегодня я снова нанесла красную помаду.

Ногти привела в порядок Катя. Волосы уложила сама. На кровати лежал тёмно-синий брючный костюм, достаточно строгий для закрытого вечера в S-Class и достаточно удобный, чтобы при необходимости ударить коленом, перепрыгнуть через ограждение или убежать. Под пиджаком красный браслет выглядел почти как дерзкая деталь вечернего образа. Никто не обязан был знать, что кружево скрывало плоский карман с миниатюрной флешкой.

Я выдавила на ладонь немного лосьона и медленно провела руками по плечам. Интересно, почему я не делаю эту простую процедуру каждый вечер? Хотя как психологу мне был интереснее другой вопрос: почему я делаю это сейчас? Собираюсь так, словно меня кто-то ждёт.

Словно кому-то есть до меня дело.

Я посмотрела на экран телефона. Расписание клуба знала наизусть, хотя никогда не признавалась в этом даже Софии. Александр по-прежнему вёл функциональные тренировки по вторникам и четвергам. Сегодня была пятница, в клубе значился закрытый вечер для постоянных гостей и приглашённых специалистов.

Его фамилии среди участников не было.

Это ничего не означало. В S-Class списки всегда говорили меньше, чем отсутствующие в них имена.

Когда-то я ушла оттуда, разорвав контракт и заплатив солидный штраф. Мне казалось, что так я спасаю Александра и себя. Через много месяцев я поняла: именно моего бегства от меня и добивались. Система не заставляла людей делать то, чего они не хотели. Она незаметно сужала выбор, пока единственная оставшаяся дверь не начинала казаться решением, принятым по собственной воле.

Так работала психология говна.

Сначала тебя называли тем, кем ты не был. Потом показывали твою реакцию другим. Потом каждое слово использовали как доказательство навязанной роли. Чем отчаяннее ты оправдывался, тем убедительнее выглядел виновным. В конце оставалось лишь вычеркнуть человека из мира нормальных людей — и никто уже не спрашивал, что с ним делают и почему.

Большинство участников даже не считали себя участниками. Один смеялся. Другой повторял услышанное. Третий отворачивался. Четвёртый задавал невинный вопрос. Пятый проводил исследование. Шестой оказывал помощь. Каждый делал какую-то мелочь, а в центре семиугольной схемы медленно умирал человек.

Я впервые увидела эту схему в Новой Зеландии, возле лужи крови.

Телефон коротко завибрировал.

Номер был скрыт. Сообщение состояло из двух строк:

МЭРИ ЖИВА. ПОСЛЕДНЯЯ БИТВА НАЧАЛАСЬ.

Я перечитала его трижды. Потом ещё раз, проверяя, не изменятся ли буквы.

Тринадцать лет назад врачи давали Мэри полгода жизни.

Я позвонила Даниялу.

— Ну? — ответил он вместо приветствия.

На заднем плане глухо били по груше. Раз. Два. Пауза. Колено.

— Я еду в S-Class.

Удары прекратились.

— Одна?

— Пока да.

— Значит, не одна. Геолокацию скинь. И рот закрой, ничего по телефону не рассказывай.

— Ты даже не спросишь зачем?

— Ася, если ты через два года добровольно собралась обратно в этот гадюшник, значит, либо повзрослела, либо окончательно ебанулась. На месте разберёмся.

Он отключился.

Я улыбнулась, хотя руки дрожали. Рядом с Даниялом невозможно было долго оставаться серьёзной. Возможно, поэтому я до сих пор была жива.

В косметичку отправились помада, пластырь, обезболивающее и маленький складной фонарь. В карман пиджака — телефон без сим-карты, который дал Лёха. На дно сумки я положила книгу в потёртой синей обложке. Ту самую, которую когда-то собиралась вернуть Александру.

На пороге я ещё раз посмотрела в зеркало.

Чёрные линии снова появились за спиной. Теперь они сходились у моей головы, образуя подобие прицела.

Я подняла руку и прикоснулась пальцами к холодному стеклу.

— Меня зовут Ася, — произнесла я отчётливо. — Я знаю, кто я. И сегодня вы никого не получите.

Линии дрогнули.

Я выключила свет и вышла.

ЧАСТЬ I

Почему девочка пыталась себя убить

ГЛАВА 1

Сумасшедшая

Новая Зеландия, 5 января 2010 года

Сначала я увидела скорую. Потом — человека со шлангом.

Он стоял перед соседним коттеджем и сосредоточенно смывал с плитки тёмную жидкость. Вода несла её к краю дорожки, где красные ручейки смешивались с пылью и исчезали в траве.

— What happened? — спросила моя однокурсница.

— I don't know. Let's have a look.

Общаться на английском было трудно, но я старалась говорить уверенно. Когда происходит несчастный случай, паника только мешает. Я много раз обрабатывала родственникам порезы, отпаивала валокордином бабушку и вообще считала себя человеком разумным, собранным и полезным.

До того вечера я не знала, что разум беспомощен перед некоторыми вопросами.

У нашего домика суетился лысоватый преподаватель алгебры. Студенты стояли группами, никто не смеялся. Тишина была особенно страшной на фоне новозеландского лета: солнце ещё освещало холмы, пахло морем и разогретой травой, где-то кричали птицы, чьих названий я не знала.

— Мэри порезала вены, — сказал организатор лагеря. — Не волнуйтесь, врачи уже оказывают помощь.

Я посмотрела на мужчину со шлангом.

Он замыывал кровь.

— Чем мы можем помочь? — одновременно спросили мы с однокурсницей.

— Всё под контролем. Лучше зайдите в дом.

В гостиной царил беспорядок. На ковре валялись раскрытые упаковки таблеток. Под столом блеснул осколок винного бокала. Остальные кто-то сгрёб на белую салфетку и оставил на кухонной стойке.

Наша соседка сидела на диване, прижав ладони ко рту.

— Она ещё и таблеток наглоталась.

Я не знала, что полагается чувствовать. Жалость? Страх? Злость? Наша вечеринка с барбекю и знаменитым местным вином явно отменялась. Но думать об этом было стыдно. Как можно переживать из-за вечеринки, когда молодая девушка только что пыталась умереть?

В комнату вошёл Анатолий — русский профессор, много лет назад переехавший из Новосибирска. Он напоминал маленький сморщенный гриб и говорил с выражением человека, которому давно известна неприятная правда о мире.

— Сосед в бешенстве. Мальчику семь лет, представляешь? Мэри разбила бокал и начала резать руки прямо у него на глазах. У ребёнка теперь травма на всю жизнь.

— Почему она это сделала?

— Серьёзное психическое расстройство. Биполярное. Она регулярно пытается себя убить.

Он произнёс это почти буднично.

— Регулярно?

— Очень печальная история. Гениальная была девушка. Музыка, олимпиады, математика. Её приглашали лучшие университеты — Принстон, Оксфорд. Уехала писать магистер-

скую и через полгода вернулась инвалидом. Врачи считают, нагрузка спровоцировала болезнь. Ещё какая-то тёмная история была с профессором, но мало ли что люди говорят.

Я слушала, а взгляд всё время возвращался к осколкам.

Их было семь.

Шесть лежали по кругу острыми концами к центру. Седьмой находился внутри. На нём темнела капля крови.

Так не разлетается разбитое стекло.

Я подошла ближе, но Анатолий встал между мной и стойкой.

— Не трогай. Полиция уже всё осмотрела.

— Они сами так лежали?

— Что?

— Осколки.

Профессор проследил за моим взглядом. На мгновение выражение его лица изменилось. Не сильно — лишь дрогнул левый уголок рта, а пальцы коснулись перстня на мизинце. На перстне был выгравирован незамкнутый треугольник.

— Обычное битое стекло, — сказал он. — Не ищи смысл там, где его нет.

Я машинально достала телефон, будто хотела проверить время, и сделала снимок.

— Ей можно помочь?

— Все помогают. Её лечат, адаптируют, устраивают для неё мероприятия. Но, когда она принимает препараты, не может заниматься математикой. А без математики не хочет жить. Замкнутый круг. Врачи дают ей полгода.

Полгода.

Я посмотрела на солнечный склон за окном. Ещё утром мне казалось, что впереди у всех нас бесконечное время. Мы приехали сюда изучать математику, знакомиться с профессорами, строить карьеру. Смерть не входила в программу летней школы.

Лысоватый куратор собрал нас в гостиной.

— Произошла серьёзная ситуация, — сказал он медленно, чтобы иностранные студенты разобрали английский. — Мэри жива. Если кому-то нужно поговорить, обращайтесь. Пожалуйста, будьте бережны друг к другу.

Он говорил правильные слова. Friendly. Supportive. Safe.

Но пока он говорил, Анатолий незаметно сдвинул салфетку. Семь осколков ссыпались в мусорное ведро, и схема исчезла.

Позже я долго лежала без сна. Двери комнат не запирались. За стеной кто-то шептался, на кухне открывали и закрывали шкафы. Я представляла ножи, ножницы, вилки для барбекю, стаканы, которые лёгким движением превращаются в оружие.

Если Мэри сделала это с собой, что мешает ей сделать что-нибудь со мной?

Мне было стыдно за собственный страх и всё-таки страшно.

Около двух ночи телефон засветился.

Фотография осколков открылась сама.

Я точно помнила, что не нажимала на экран.

Красная капля на центральном стекле вытянулась в тонкую линию. Потом ещё одну. На снимке медленно возникли слова:

НЕ ОТВЕЧАЙ НА ИХ ВОПРОС.

Экран погас.

Я включила телефон и открыла галерею. Фотография выглядела обычной.

На следующий день Мэри вернулась.

ГЛАВА 2

Дама с камелиями

Москва, двенадцать лет спустя

— Я не могу поверить, что это со мной происходит. Всё как во сне. Пока мои одноклассники делают карьеру и растят детей, меня травят. Я живу в каком-то бесконечном говне, пытаюсь доказать, что я не проститутка, не нимфоманка и не сумасшедшая. Я больше не могу.

София смотрела на меня с экрана ноутбука.

Красивая женщина лет пятидесяти сидела в бежевом свитере, отложив ручку рядом с пухлой тетрадью. За полтора года терапии я видела её и в строгих платьях, и в худи с бейсболкой, с яркой помадой и без макияжа. Она менялась, но её голос оставался прежним — низким, спокойным и временами настолько холодным, что им можно было останавливать истерики.

— Повторяйте за мной, — сказала она. — Я так устала от славы дамы с камелиями, что везде её ищу. Я так устала от несправедливости, что всегда найду способ устроить себе темную. Я ничего не перепутала?

— Это издевательство?

— Что вы чувствуете?

— Злость.

— Где?

— В челюсти. В груди. В руках. Хочется разбить ноутбук, чтобы не видеть ваше невозмутимое лицо.

— Хорошо. Ноутбук оставьте. Нарисуйте происходящее.

— Я не в детском саду.

— К сожалению.

Сегодня София мне категорически не нравилась. Впрочем, хороший психотерапевт не обязан нравиться клиенту, особенно когда клиент приходит за изменениями, а не за подтверждением своей правоты.

Я достала лист бумаги и синим маркером нарисовала женщину. Потом перечеркнула её жирным крестом.

— Вот. Девочка уничтожена. Её просто убили.

— Поднесите ближе.

Я показала рисунок в камеру.

— И когда всё уничтожено, что осталось?

Вопрос был неправильным. После потери профессии, репутации, отношений и здоровья ничего остаться не должно. В этом и состояла катастрофа.

Но ответ появился раньше, чем я успела его обдумать.

— Я настоящая.

— Тогда что было уничтожено?

Я посмотрела на перечёркнутую женщину и почувствовала, как сдавило горло.

— Всё фальшивое.

Слёзы полились неожиданно. Я плакала, стараясь не размазать по лицу тушь, а София терпеливо ждала.

— Как теперь меняется рисунок?

Я снова взяла маркер. Обвела фигуру, сделала ноги сильнее, дорисовала волосы, платье. Жирные линии креста никуда не исчезли, но теперь казалось, будто женщина держит их в руках.

— Это мечи, — сказала я с удивлением.

— Два?

— Два.

— А вокруг?

Я не сразу поняла вопрос. Потом увидела: на листе, которого почти не касался маркер, проступали семь бледных точек. Шесть образовывали круг, седьмая была в центре.

Точно как осколки разбитого бокала.

— Откуда это? — спросила я.

— Рисунок ваш.

— Я их не рисовала.

София наклонилась к экрану.

— Когда вы видели эту схему впервые?

Я не рассказывала ей про фотографию. Ни ей, ни одному из психологов. Мне и без того хватало вопросов о паранойе и склонности видеть связи между случайными событиями.

— В Новой Зеландии, — ответила я. — Возле крови девушки, которая пыталась себя убить.

— Мэри?

У меня похолодели ладони.

— Откуда вы знаете её имя?

София замерла. Изображение на секунду рассыпалось на квадраты, будто пропал интернет. Когда картинка восстановилась, её лицо было спокойным.

— Вы называли его раньше.

— Нет.

— Уверены?

Это был простейший приём газлайтинга. Заставить человека сомневаться в собственной памяти. Но София никогда так не работала.

Я закрыла глаза и восстановила разговор. Вдох. Выдох. Опора стула под ягодицами. Ступни на полу. Холод от стакана в ладони. Я действительно не произносила это имя.

— Уверена.

— Хорошо, — сказала София. — Тогда считайте, что я ошиблась.

— Вы не ошиблись.

— Что вы чувствуете сейчас?

— Что вы уходите от ответа.

— Верно.

— Почему?

— Потому что любой ответ изменит наши отношения. А вам нужно самой решить, готовы ли вы к этому.

На экране за её плечом отражалось окно. В стекле стоял мужчина в тёмном костюме и с шёлковым платком на шее.

Виктор.

Я резко наклонилась к ноутбуку, но отражение исчезло.

— София, кто вы?

Она посмотрела на часы.

— Наше время закончилось.

— Вы издеваетесь?

— Нет. И Анастасия...

Я напряглась. София всегда называла меня Асей, потому что знала, насколько важно для меня имя.

— ...не отвечайте на вопрос, который вам дали. Найдите тот, который от вас прячут.

Связь оборвалась.

Я осталась перед чёрным экраном с рисунком женщины, державшей два меча.

ГЛАВА 3

Девушка, которая вернулась

Мэри появилась в дверях коттеджа на следующий день после полудня. Улыбающаяся и довольная, в сопровождении родителей, которые на ходу ели fish-and-chips.

Я стояла посреди гостиной и не знала, как реагировать.

Непонятно, что было страшнее: вчерашняя кровь или сегодняшняя нормальность. Мэри поздоровалась со всеми, поставила сумку у дивана и спросила, будет ли вечером барбекю. На запястьях белели свежие повязки.

— Как ты? — спросила я.

— Fine. Thank you.

Её мать благодарно улыбнулась, словно я произнесла именно ту реплику, которую от меня ждали.

Вокруг Мэри быстро возник праздник заботы. Кто-то принёс чай, кто-то — печенье. Куратор говорил о поддержке. Родители шутили. Только отец Мэри ни на секунду не выпускал её локоть, а Анатолий стоял у окна и крутил перстень на мизинце.

Я вышла на улицу. Мне требовался воздух.

Через несколько минут Мэри догнала меня у тропинки, ведущей к холмам.

— You took the picture, — сказала она.

Это не было вопросом.

— Какую фотографию?

— Glass.

Она говорила тихо, почти не двигая губами.

— Я никому её не показывала.

— Удали.

— Почему?

— Потому что теперь они будут смотреть через неё.

Я подумала о ночных буквах на экране.

— Кто — они?

Мэри оглянулась. В дверях коттеджа стоял Анатолий.

— The choir.

— Хор?

— Когда один человек лжёт, ему можно не верить. Когда одну ложь повторяет группа, она становится средой. Ты дышишь ею. Думаешь ею. Потом тебя уже не нужно убеждать.

Её английский был чистым и быстрым. Ничто в этой девушке не напоминало человека, утратившего способность думать.

— Мне сказали, у тебя биполярное расстройство.

— Это все, что осталось от моей жизни.

Она улыбнулась, но глаза остались неподвижными.

— Ты пыталась умереть?

— Да, но это не мой выбор.

— Почему тогда?

Мэри подняла забинтованные руки.

— Иногда единственный способ заставить хор замолчать — выключить того, кто его слышит.

— Голоса?

— Не в голове. Снаружи. Взгляды, шутки, вопросы, диагнозы. Каждый делает немного. В центре кажется, что безумна ты.

Я вспомнила о семи осколках.

— Что означает схема?

Она вытащила из кармана сложенный вчетверо листок.

На бумаге были те же семь точек и стрелки, направленные к центру. Рядом — короткая запись:

$I > N$, если N повторяет одно.

— Это математически неверно, — сказала я.

— Поэтому они тебя не поймут. Один свидетель, который видит всю систему, сильнее тысячи людей, каждый из которых видит только свой поступок.

— Кто это придумал?

— Я нашла модель в архиве университета. Потом поняла, что модель не описывает систему. Она ею управляет.

В дверях коттеджа появился отец Мэри.

— Mary!

Она вложила листок мне в ладонь.

— Если с тобой начнут говорить о любви, сексе или безумии так, будто знают что-то, чего не знаешь ты, не оправдывайся. Ищи того, кому нужна твоя реакция.

— Подожди. Как тебя найти?

Мэри посмотрела на меня так внимательно, будто хотела запомнить.

— Никак. Если скажут, что я умерла, не верь. Если скажут, что я жива, тоже не верь. Ищи свидетеля.

— Какого свидетеля?

Но она уже шла к коттеджу.

Через час её родители сообщили, что решили уехать. К вечеру в комнате Мэри не осталось ни вещей, ни лекарств, ни следов её присутствия. На следующий день Анатолий попросил нас не обсуждать случившееся.

— Девушке нужна тишина, — сказал он. — Сплетнями вы сделаете только хуже.

Я хранила молчание почти тринадцать лет.

Листок со схемой исчез из моего чемодана ещё до конца летней школы.

Фотография осталась.

ГЛАВА 4

Духовная любовь

Когда через несколько лет я приехала в Канаду, история Мэри казалась дурным сном из чужой жизни. Я снова была победителем: выпускница одного из лучших математических факультетов, аспирантка с финансированием, девушка, перед которой открыты университеты и страны.

Я больше всего боялась не справиться с нагрузкой и меньше всего — влюбиться.

Рам был старше меня почти на тридцать лет. Невысокий, безупречно вежливый, с мягким голосом и спокойным взглядом человека, привыкшего к тому, что в комнате слушают именно его. Он не был моим официальным научным руководителем, но имел доступ почти ко всем проектам кафедры и любил говорить со студентами о предназначении.

— Математика, — объяснял он, гуляя со мной по университетскому саду, — это язык, на котором Вселенная рассказывает о любви.

После сухих доказательств и бесконечных вычислений эти слова казались дверью в другой мир.

Мы обсуждали симметрии, играли в теннис, пили чай. Рам утверждал, что некоторые люди узнают друг друга сразу, потому что уже встречались в других жизнях. Называл нашу связь духовной и повторял, что она выше желаний, ревности и обычных человеческих правил.

Я была польщена. Потом зависима. Потом виновата.

Перемены начались незаметно. Коллега спросил, собираюсь ли я разрушить семью профессора. Секретарь кафедры перестала смотреть мне в глаза. На семинаре кто-то пошутил о женщинах, которые получают гранты не за математику. Рам говорил, что мне кажется, что люди заняты своими делами, что моя тревожность опасна для работы.

— Ты не должна быть проблемой, — произнёс он однажды.

Точно такую фразу, по словам Мэри, говорили ей.

Я стала записывать разговоры.

Сначала — чтобы доказать себе, что не выдумываю. Потом — чтобы понять последовательность. Математический ум ещё работал: я наносила события на график, отмечала участников, темы, время. Через месяц на экране возникла знакомая фигура.

Шесть узлов вокруг одного.

Седьмым был Рам.

Я провела ночь в компьютерном классе, сопоставляя университетские архивы. В публичной базе обнаружилась статья о психологической адаптации одарённых студентов. Среди соавторов значились Рам и профессор из Новой Зеландии.

Анатолий.

Приложение к статье было закрыто, но ссылка вела на сервер старого проекта с невинным названием КОНТАСТ. Я ввела найденный в метаданных пароль и увидела список имён.

Мэри Вейл.

Рядом стояли даты, показатели устойчивости и статус: «контур завершён».

Ниже — моё имя.

Статус: «активация».

Я успела скопировать каталог на флешку, прежде чем в коридоре погас свет.

Дверь компьютерного класса открылась.

Рам вошёл один.

— Уже поздно, — сказал он. — Тебе нужно отдохнуть.

— Что такое CONTACT?

Он посмотрел на флешку в моей руке.

— Исследовательская программа.

— Почему там моё имя?

— Тебе сейчас трудно отличать связи от совпадений. Я давно замечаю признаки истощения.

— А Мэри Вейл?

Впервые за всё время его лицо потеряло доброжелательность.

— Кто дал тебе это имя?

Я поняла: вопрос, которого он испугался, был не о программе. Он хотел знать, существует ли ещё один свидетель.

— Она умерла? — спросила я.

Рам медленно закрыл дверь.

— Ты больна, — произнёс он. — И если не согласишься принять помощь, можешь стать опасной.

В коридоре слышались шаги.

Я сунула флешку в рот.

Не знаю, зачем. Возможно, решила проглотить. Возможно, просто хотела, чтобы Рам не смог вырвать её из руки. Пластик упёрся в нёбо, меня затошнило.

Телефон в кармане завибрировал.

Паша.

Мой бывший парень находился внизу. Он примчался из Америки через два дня после того, как услышал мой бессвязный рассказ о духовной любви и странностях на кафедре.

— Я у входа, — сказал он. — Спускайся сейчас.

— Я не могу.

— Можешь. Собирай вещи. Никакая ты не проблема.

Рам протянул ко мне руку.

— Дай телефон.

Я увидела на его мизинце перстень с незамкнутым треугольником.

Страх превратился в ясность.

Я швырнула в него стул, выскочила в коридор и побежала к лестнице.

За мной кричали. Кто-то требовал остановиться. На втором этаже дорогу перегородил аспирант Рама, но я ударила его дверью и проскользнула мимо. Каблук сломался на последнем пролёте. Я сбросила туфли и выбежала на улицу босиком.

Паша распахнул дверь машины.

— Что у тебя во рту?

Я выплюнула флешку ему на ладонь.

— Моя диссертация, — сказала я и разрыдалась.

Он укрыл меня своей курткой и увёз.

На следующий день сервер CONTACT исчез. Через неделю университет разослал письмо о моём нервном срыве и временной нетрудоспособности.

Файлы на флешке оказались повреждены.

Сохранилось только одно изображение: семь точек и чёрная надпись по-русски, которой в канадском архиве быть не могло.

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В АД.

ГЛАВА 5

Добро пожаловать в ад

Москва встретила меня февральским снегом, который давно перестал быть белым.

Под ногой хрустела корка льда, изъеденного реагентом. До метро оставалось несколько сотен метров, но каждый шаг давался с трудом из-за желания опуститься на корточки, закрыть глаза и больше никуда не идти. Пальто не подходило для московской зимы. Под ним было два шерстяных свитера, найденных среди вещей студенческих времён, а на ногах — единственное разумное приобретение последних месяцев: тёплые непромокаемые ботинки.

Большая часть моей одежды, книги и украшения остались на других континентах. Прежде я любила каблуки, серьги и эффектные платья. Теперь, когда я боролась за выживание, на заботу о внешности просто не было ресурсов.

Мир, в который я вернулась, был похож на мой родной город, но не являлся им. За спиной возвышалось главное здание университета — огромное, знакомое, совершенно недоступное. Когда-то я входила туда с ощущением, что мне принадлежит будущее. Теперь один вид учебника по математике вызывал слёзы.

Люди проходили мимо, отделённые от меня невидимым стеклом. Они знали, куда идут, зачем спускаются в метро, что будут делать вечером. Я не знала ничего.

— Нужно привести себя в порядок, — говорили родители.

Под этим подразумевалось: перестать рассказывать о Раме, не упоминать харассмент, восстановиться в аспирантуре, похудеть и снова стать девочкой, которой можно гордиться.

Я хотела того же. Только не могла.

Перед переходом машины продолжали ползти на зелёный свет. Я остановилась и ждала, не доверяя ни водителям, ни собственной реакции. Энергии оставалось слишком мало, чтобы рисковать.

У магазина сидела тощая собака. Она посмотрела на меня жёлтыми глазами, поднялась и пошла вдоль улицы.

— Ты хотя бы знаешь, где ночевать, — сказала я ей.

Собака обернулась.

Может быть, это глупо, но я пошла следом. Когда разум не работал, приходилось ориентироваться на интуицию. Животные находят воду, убежище и дорогу домой без карт и научных степеней. Мне требовалась хотя бы часть их таланта.

Собака привела меня к лестнице метро и исчезла в толпе.

Внизу стало тепло. Я прислонилась к стене, закрыла глаза и сразу услышала приближающийся поезд. Гул нарастал, превращаясь в голос.

Один шаг. Всё закончится.

Я открыла глаза.

Белые фары выходили из тёмного тоннеля. Воздух толкнул меня в лицо. К моему ужасу, пространство между краем платформы и рельсами притягивало, обещая мгновенный покой.

Я вцепилась пальцами в холодный камень стены.

Один шаг.

— Нет. Я не хочу этого!

Состав остановился. Двери открылись. Люди вышли, обтекая меня с двух сторон.

На противоположной стене висел рекламный плакат: мужчина в белом халате протягивал руку испуганной женщине. Подпись обещала помощь при тревоге, депрессии и навязчивых мыслях.

На секунду лицо мужчины изменилось.

Рам улыбнулся мне с плаката.

— Вы устали, — произнёс он беззвучно. — Разрешите нам решать.

Я зажмурилась.

Когда открыла глаза, на рекламе снова был незнакомый врач.

Это мог быть флешбэк. Последствие истощения. Ошибка восприятия. Я знала все разумные объяснения и цеплялась за них, как за поручень.

Но знала и другое: некоторые мысли приходили не изнутри.

Я дождалась следующего поезда, вошла в вагон и села подальше от дверей. На коленях лежала сумка с флешкой. Повреждённый каталог CONTACT оставался единственным доказательством того, что история Мэри и моя собственная были связаны.

Дома меня ждали вопросы.

— Где была?

— Искала работу.

— Нашла?

— Нет.

— Сколько можно ходить по городу? Тебе нужно заниматься диссертацией.

— Я не могу.

— Все могут. Ты просто запустила себя.

Я закрылась в комнате и достала флешку. Компьютер снова сообщил, что носитель повреждён. Я запустила программу восстановления, наблюдая, как проценты ползут по экрану.

На девяноста восьми процесс остановился.

Появился новый файл.

ARIADNE.txt

Внутри была одна строка:

ВИКТОР. ЖЁСТКИЕ ПЕРЕГОВОРЫ. СУББОТА, 11:00.

Ни адреса, ни фамилии.

Я ввела фразу в поисковик. Среди рекламы курсов, бизнес-тренингов и сомнительных школ нашла старую страницу без фотографий. «Управление поведением в условиях давления. Четыре режима отношений. Ведущий — Виктор В.»

Место проведения находилось в центре Москвы.

Стоимость была такой, что разумный безработный человек закрыл бы страницу.

Я заплатила.

Хлебные крошки редко выглядят как хлеб. Иногда это повреждённый файл. Иногда бездомная собака. Иногда решение отдать последние деньги незнакомцу с инициалом вместо фамилии.

Через несколько лет я назову этот путь нитью Ариадны.

Тогда я просто не знала, куда ещё идти.

ГЛАВА 6

Гипноз

Виктор появился перед группой в сером костюме, белой рубашке и тёмно-зелёном шелковом платке. Высокий, сухощавый, с безупречной осанкой, он выглядел так, будто только что вышел с дипломатического приёма и по ошибке оказался в арендованном зале психологического института.

Ходили слухи, что он работал со спецслужбами. Другие утверждали, что слухи распространяет он сам, потому что таинственность повышает стоимость обучения. Отличить правду от продуманного имиджа было невозможно.

На первом занятии он не представился.

— Посмотрите на экран.

Нам показали фрагмент старого фильма. В закрытом учреждении воспитатель в белом халате делал смертельную инъекцию младенцу, признанному «неперспективным», клал тело в коробку и отправлял в шахту утилизации. Ни музыки, ни крупного плана, ни объяснений. Обычная рабочая процедура.

Когда свет включили, никто не заговорил.

— Почему он это сделал? — спросил Виктор.

— Он психопат, — отозвался мужчина у двери.

— Ему приказали, — сказала женщина рядом со мной.

— Он верит, что ребёнок не человек.

Виктор открыл пухлую тетрадь в кожаной обложке.

— Как им удалось этого добиться?

Он обвёл нас взглядом.

— Тема занятия — управление сознанием и поведением. Сейчас большинство из вас ищет патологию в исполнителе. Это приятно. Если убийца чудовище, вы отличаетесь от него. А если он обычный человек?

В комнате стало неуютно.

— Не спешите отвечать. Вообще не спешите отвечать на вопросы, которые вам дают. Любой вопрос уже задаёт рамку. «Почему он убил младенца?» предполагает, что действовал именно он. Возможно, полезнее спросить: «Кто и как создал ситуацию, в которой убийство стало обычной работой?»

Я почувствовала покалывание в пальцах.

На доске Виктор написал четыре слова:

ДРУЖБА. ПЕРЕГОВОРЫ. ЖЁСТКИЕ ПЕРЕГОВОРЫ. ВОЙНА.

— Это не степени хорошего и плохого поведения. Это разные системы правил. Если вы пытаетесь дружить, когда против вас ведут войну, вас уничтожат. Если начинаете воевать там, где с вами хотели договориться, разрушите отношения сами. Главная ошибка — неверно определить режим.

Он говорил тихо, и группе приходилось замирать, чтобы слышать. Внимание сужалось. Посторонние звуки исчезали. Я следила за едва заметным движением его мизинца.

— Кто из вас считает, что легко входит в транс?

Никто не поднял руку.

— Прекрасно. Значит, почти все уже там.

Кто-то засмеялся.

— Транс — не сон и не потеря контроля. Это концентрация. Реклама, влюблённость, страх, стыд, групповое возбуждение — естественные трансовые состояния. Вопрос не в том, входите ли вы в транс, а в том, кто в этот момент задаёт вам направление.

Его палец двигался в такт моему дыханию.

Подо мной был стул. Спина касалась жёсткой поверхности. Ступни стояли на полу. Я знала, где нахожусь, и всё же стены отдалялись.

— Вспомните опыт, когда у вас всё получалось, — голос Виктора стал медленнее. — Не событие. Ощущение. Где в теле живёт успех? Как вы узнаете, что сильны?

Я увидела аудиторию мехмата, доску с доказательством, красный диплом в руках. Лёгкость. Расширение в груди. Тёплые ладони. Я могла думать. Могла решать. Могла.

Потом образ сменился канадским коридором. Смех. Взгляд Рама. Невозможность поднять голову. Сдавленность. Желание стать маленькой, незаметной, исчезнуть.

— А теперь почувствуйте разницу между опытом и ярлыком, — продолжал Виктор. — «Я проиграла» — событие. «Я неудачница» — приговор. «Мне страшно» — состояние. «Я сумасшедшая» — новая личность, которую вам предложили вместо вашей.

Я открыла глаза.

Виктор смотрел прямо на меня.

— Как вы узнаете, что мысль принадлежит вам? — спросил он.

— Я её думаю.

— Этого недостаточно.

— Я её чувствую.

— Тем более.

— Тогда никак.

— Уже лучше. Проверяйте, кому она выгодна, к какому действию ведёт и была ли у вас до контакта с человеком, группой или сообщением. Чужая мысль часто появляется у нас в форме внезапной очевидности.

Ты должна умереть.

Опасная мысль неожиданно вспыхнула в сознании, и я вцепилась руками в край стула, стараясь сохранить опору с реальностью.

Виктор перевёл взгляд на другого участника.

— Провокации направляют в базовые зоны: секс, деньги, власть, статус, принадлежность, вина. Чем абсурднее обвинение, тем сильнее шок. Пока вы доказываете, что не верблюд, противник выбирает следующую точку удара.

На перерыве он пил апельсиновый фреш у окна. Я наблюдала издали, не решаясь подойти. После Канады находиться с мужчиной один на один было трудно. Собственное тело казалось опасным предметом, который можно неправильно поставить, повернуть или предъявить.

Виктор не смотрел в мою сторону.

И всё же, когда занятие закончилось и я застёгивала пальто, он прошёл рядом и тихо сказал:

— Флешку больше не подключайте к сети.

Я подняла голову.

— Откуда вы знаете?

Он поправил платок.

— Вы опять ответили на данный вам вопрос.

— А какой спрятан?

— Вот это выясните.

Он ушёл.

На моём стуле лежала визитка без имени и телефона. Только незамкнутый треугольник, перечёркнутый красной линией.

ГЛАВА 7

Прививка от бешенства

За следующие недели Виктор научил нас вещам, которые любой разумный человек счёл бы либо банальными, либо опасными.

Не оправдываться.

Не принимать чужую срочность за свою.

Замечать, когда собеседник незаметно меняет тему, роль или правила.

Отвечать не на слова, а на действие.

Видеть разницу между человеком, который просит, и человеком, который вынуждает тебя отказать, чтобы затем обвинить в отказе.

— Своевременная реакция может спасти жизнь, — говорил Виктор. — Неотражённая атака повторяется и усиливается. Но отражение не означает встречное насилие. Иногда достаточно назвать происходящее. Иногда — уйти. Иногда — задать вопрос тому, кто считал, что задавать вопросы имеет право только он.

Мы тренировались парами. Один давил, второй удерживал рамку. У меня получалось плохо. Я объясняла, смягчала, пыталась понравиться даже воображаемому противнику.

— Почему вы хотите, чтобы нападающий признал вас хорошей? — спросил Виктор.

— Не хочу.

— Хотите. Иначе не тратили бы столько слов.

Он забрал у меня лист с упражнением.

— Коротко. «Нет». «Мне это не подходит». «Разговор закончен».

— Это грубо.

— Война грубее.

— А если я ошиблась и человек не хотел ничего плохого?

— Здоровый человек переживёт вашу границу. Тот, кому нужна ваша беззащитность, назовёт её агрессией.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.